

Наследство семьи Босовых: почему на этот раз следует учиться на чужих ошибках

17.06.2021

СТАТЬИ

НАСЛЕДСТВО

В последнее время понятия «семья» и «наследство» в рамках правового поля ассоциируются с такими событиями, как защита от исков бывшей супруги; споры с доверительным управляющим, оспаривание сделок, заключенных без учета мнения наследников; поиск активов; конфликты наследников; корпоративные захваты в период принятия наследства. Между тем за кулисами публичных спектаклей о семейных драмах остаются те, кто пытаются защитить свой капитал и обращаются с запросами по поводу того, как обеспечить преемственность активов и операционных процессов, позаботиться о своих детях в случае развода, мотивировать партнеров на развитие бизнеса вместе с наследниками. Пока супруги Гейтс делят совместно нажитое имущество, в том числе особняк стоимостью 131 млн долларов, возвышающийся над озером Вашингтон, тетрадь Леонардо да Винчи и инвестиции в Microsoft и Four Seasons Hotels, а наследники г-на А. Трубникова пытаются бороться с захватом операционного контроля над наследством, некоторые состоятельные бизнесмены задумались над вопросом: а как будет в их семьях?

Громкие семейные и наследственные споры сработали триггером для проверки на прочность отношений с супругой и родственниками, структур — на уровень защиты, партнеров — на «чистоту» руки. К сожалению, смерть патриарха семьи часто становится для конкурентов шансом получить актив со скидкой, а для нынешних бизнес-партнеров — возможностью увеличить свою долю владения и в любом случае оставить наследников без наследия.

Что произошло?

В рамках наследства Дмитрия Босова, миллиардера из первой сотни списка Forbes, реализовалось большинство негативных сценариев, о которых предупреждали консультанты и в реальность которых предпочитали не верить владельцы капиталов: невозможность выдела справедливой супружеской доли; конфликт между наследниками; стремление миноритариев и топ-менеджеров исключить наследников из управления группой; рейдерский захват дальневосточного угольного порта «Вера» в Приморье; снижение цены активов группы «Сибантрацит» потенциальными покупателями бизнеса. Именно дело «Сибантрацит» оголило неэффективность запуска общих наследственных механизмов. Отсутствие инкорпорированных до наследственного события корпоративных конструкций (соглашений, трастов, иностранных и российских фондов, отказов и возложения, совместных владений) поставило активы под угрозу недружественных захватов, исключило эффективность их преемственности и операционного управления.

Сразу после смерти патриарха его вдовой Катериной Босов была предпринята попытка воспользоваться одним из доступных и достаточно эффективных инструментов защиты капитала в России. Г-жа Босов планировала передать половину доли бизнесмена в группе компаний «Аллтек» (43,285 % из 86,57 %) в закрытый паевой инвестиционный фонд (далее — ЗПИФ), снова ставший крайне популярным инструментом одновременно с деофшоризацией. Такой фонд обладает не всеми преимуществами конкурентного иностранного инструментария, но за неимением лучшего, а также с учетом возможности с его помощью сохранить конфиденциальность данных о владельцах и смягчить силу возможного удара

третьих лиц по активу в текущих реалиях ЗПИФ мог существенным образом повысить степень защиты активов группы «Сибантрацит». Например, разделение контуров владения физического лица и фонда позволяет в случае предъявления претензий к первому наладить ограничения только на паи, принадлежащие физическому лицу, а не дестабилизировать операционные процессы активов фонда.

Однако намеченные цели не были достигнуты. В ноябре 2020 г. наследники оспорили выдел вдовой супружеской доли и заблокировали передачу активов в ЗПИФ. Основным аргументом стал факт создания г-ном Босовым бизнеса задолго до брака — по этой причине доли всех наследников должны быть учтены иначе. Согласно данному аргументу, получившему 8 февраля поддержку Московского областного суда, а в мае 2021 г. — и суда кассационной инстанции, вся доля г-на Босова в «Аллтек» должна быть передана в наследственную массу и распределена поровну между наследниками: родителями бизнесмена, его сыновьями от предыдущих браков, вдовой Катериной и ее дочерью Бэллой.

Отсутствие брачного договора между Дмитрием и Катериной либо наследственного договора или хотя бы завещания, если не упоминать более эффективные инструменты наследственного планирования, привело к невозможности обосновать выделение супружеской доли на основе попыток доказать участие Дмитрия Босова в допэмиссии «Сибантрацита» в том числе за счет денежных средств Катерины Босов, вырученных от продажи автомобиля Bentley.

«Сибантрацит» раздирали противоречия и конфликты, в том числе из-за безмолвия патриарха, не установленных правил игры с его активами после наследственного события ни для жены, ни для детей, ни для партнеров.

По-видимому, Дмитрию Босову казалось совершенно неважным, кто будет управлять

активами и кто на какие его части может претендовать — капитан «Сибантрацита» отправил свой бизнес в свободное плавание. А между тем оснований для семейного и наследственного планирования было достаточно. На «Разрез Колыванский» претендовал г-н Э. Худайнатов, однако в 2018 г. ему не удалось договориться с бизнесменом по цене, так как, по словам Дмитрия Босова, он требовал 50 % дисконта при попытке договориться о покупке актива. После неуспешного обсуждения условий сделки «Сибантрацит» получил от Росприроднадзора двухмиллиардный штраф за незаконную добычу угля на Таймыре. Активами Дмитрия Босова также интересовался г-н С. Курченко. Однако ему тоже пришлось столкнуться с отказом, а Дмитрию Босову — с исками от РЖД и нескольких грузовых компаний за простой вагонов на сумму 587 млн рублей. Интересантов в отношении активов группы «Сибантрацит» было немало, а после наследственного события интерес к его активам повысился еще больше. Так, порт «Вера» в этом году был продан Ростеху, а «Сибантрацит» планируется к продаже компании «А-Проперти» Альберта Авдоляна.

Сделка по продаже порта фактически завершила разгоревшийся корпоративный и наследственный конфликт. С учетом отсутствия завещания, профессионального управляющего, отсутствия контроля над активом, стандартной шестимесячной заморозки принятия наследства риск потери такого актива, как порт «Вера», можно было оценить как высокий. Амплитуда начала стремительно увеличиваться. В августе прошлого года Ростех с партнерами решили увеличить долю в активе порта «Вера» до контрольной, потребовав от «Востокуголь» продажи 16,7 % порта по номинальной стоимости (3,34 тыс. рублей) в рамках call-опциона. Вот так за несколько тысяч рублей можно было купить даже «Веру», потенциальные налоговые риски получения материальной выгоды с учетом стоимости актива по сравнению с уровнем приобретаемого блага представлялись несущественными.

Кстати, основанием для предъявления опциона была названа смена контроля в компании: помимо смерти Дмитрия Босова речь шла о вынужденной продаже доли Александра Исаева, владевшего половиной компании «Востокуголь», уволенного из компании в апреле 2020 г. Аналогичное требование Ростех и другие акционеры предъявили по Огоджинскому

угольному проекту. Всего лишь не совсем корректная формулировка могла привести к утрате актива. Если бы документы по сделке изначально содержали стандартные исключения, Ростех не мог бы оказывать подобное давление.

Наследники компании «Востокуголь» боролись за актив и оспаривали обоснованность требований. Повлияло ли наличие конфликта на цену продажи активов, неизвестно, но это не исключено. На текущий момент все публичные комментарии участников сделки по продаже «Порт «Вера»» и «Огоджа» содержат ссылку на рыночные условия заключенных соглашений. Однако, каким образом учитывались исторические инвестиции, компенсировались ли расходы и принимался ли во внимание потенциал объектов, остается за пределами публичной информации.

Вернемся к «Сибантрациту», который планируется продать компании «А-Проперти» Альберта Авдоляна. Вдова Дмитрия Босова была нацелена на участие в развитии бизнеса и предпринимала попытки избежать продажи основного актива, учитывая «Востокуголь», уже выбывающий из сферы владения наследников. Итак, Катерина Босов подала иски, направленные на оспаривание решений общего собрания участников группы «Алл-тек» об изменении устава, принятого незадолго до смерти патриарха. Внесенные в устав общества изменения более чем в 10 раз подняли порог стоимости сделок, для заключения которых требуется одобрение общего собрания участников, отменили требование об одобрении участниками займов, а также обеспечительных сделок. Таким образом, принятие существенных для «Сибантрацита» решений могло осуществляться без ведома владельцев. Данные действия, по мнению вдовы, были направлены на вывод активов группы «Сибантрацит».

В качестве обеспечительных мер к иску вдовой Дмитрия Босова были затребованы ограничения на проведение сделок с долями самого общества «Аллтек» и его дочерних организаций, а также любых

сделок, направленных на обременение или уменьшение стоимости таких долей, — неплохой способ ограничить выбытие активов.

При корректном корпоративном планировании вопросы по существенным сделкам следует оставлять на уровне участников компании, среди которых обязательно должны быть наследники, причем еще при жизни патриарха. Иначе суд может отказать в удовлетворении даже упомянутого иска и в принятии обеспечительных мер по формальным причинам, а именно потому что лицо не является участником общества. Наследник же вправе обратиться с такими исками только после включения его в состав участников общества, когда предъявление требований может уже утратить свою актуальность.

Также вдова Дмитрия Босова оспаривала соглашение о продаже одного из основных активов «Аллтека» — угольной компании «Сибантрацит». Соглашение было подписано обществом «Аллтек» с компанией «А-Проперти» Альберта Авдоляна 8 февраля. Скорее всего после майского проигрыша в кассационной инстанции, а также в связи с наличием небольшой доли наравне с остальными наследниками, отсутствия возможности контролировать операционную деятельность на уровне менеджмента у Катерины Босов не останется шанса противостоять выкупу актива — вопрос только в том, на каких условиях получится его продать.

Сначала казалось, что передача нотариусом активов в доверительное управление Катерины и отца Дмитрия Босова позволит всем наследникам защитить активы до момента их передачи. Конечно, предпочтительно, чтобы сам наследодатель указал управленцев в завещании во избежание конфликта между наследниками и минимизации риска выбытия активов, а также выбрал наиболее опытное в управлении конкретным активом доверенное лицо. Однако г-н Босов решил оставить выбор за нотариусом, который не связан конкретными критериями выбора доверительных управляющих и достаточно независим от мнения наследников, что может нести в себе определенную опасность, как произошло в

недавно разгоревшемся конфликте между доверительным управляющим и наследниками г-на А. Трубникова.

В этом наследственном процессе семейное владение структурировано более комфортно, некоторые потенциальные наследники имели доли в управлении активами еще до наступления наследственного события. В процессе по наследству Дмитрия Босова никто, кроме него, не имел прав на участие в управлении группой, поэтому в течение шести месяцев наследники, за исключением доверительных управляющих, были вправе только в кулуарах обсуждать условия планируемых сделок, а не оказывать влияние на операционные процессы активов. Возможно, если бы они были введены в состав участников некоторых обществ с ограниченной ответственностью, мы не стали бы свидетелями нескольких судебных разбирательств, в процессе которых суды отказывали в предоставлении документов или наложении ограничений на деятельность или распоряжение долями общества на основании формального отсутствия участия в нем.

Можно ли было избежать? Сценарии спасения бизнеса

К сожалению, в России не предусмотрена возможность изначального (запасного) владения, реализуемого под условием смерти, как в некоторых иностранных юрисдикциях, когда в случае наследственного события не требуется никаких иных действий от запасного акционера, который может участвовать в процессе управления с даты наступления наследственного события в отношении патриарха.

В любом случае хотя бы минимальная индивидуальная настройка корпоративного управления в группе «Сибанрацит» существенным образом облегчила бы и минимизировала риск неполучения или обесценивания активов. Некоторые сценарии и вовсе не имели бы места, если бы наследники хотя бы с минимальной долей были включены в состав участников общества еще до наступления наследственного события, и следующие решения могли бы приниматься общим собранием участников только при наличии кворума в размере двух третей: размытие долей участия; изменение устава, в результате которого

облегчается возможность продажи или снижения стоимости активов компании и ее дочерних компаний; заключение сделок или нескольких взаимосвязанных сделок на сумму свыше существенного порога, обеспечительных сделок и т. п.

Наличие наследников в составе участников общества изначально мотивировало бы миноритарных партнеров на то, чтобы договориться, а не облегчало бы попытки последних исключить наследников из бизнеса группы в целом. Наследникам это обеспечило бы возможность доступа к информации о компании, ведь о некоторых событиях они смогли узнать исключительно из неофициальных источников, использовать которые в качестве доказательств в судебном порядке достаточно сложно. Исключив наследников из списка участников общества, г-н Босов лишил их прав на незамедлительное оспаривание решений органов управления актива и сделок, заключенных компаниями. Если в уставе компании осложнен процесс входа новых участников, а именно требуется согласие всех членов общества, то велик риск отказа со стороны активно участвующих в бизнесе миноритариев от передачи доли в пользу наследников, не имеющих опыта управления подобными активами группы. В последнем случае устав мог не предусматривать иных положений о справедливой цене выкупа долей у наследников, они получили бы в качестве компенсации действительную стоимость доли на основании закона, которая даже при осуществлении небольших подготовительных действий может быть существенно ниже реальной рыночной цены.

Если бы между Катериной и Дмитрием был заключен брачный договор, можно было бы исключить все ненужные споры о размере ее супружеской доли. Однако, по нашему опыту, владельцам больших капиталов сложно пойти на риск потенциального частичного выбытия актива в случае развода. Некоторые супруги до сих пор специально используют этот механизм для разделения контуров владения, снижения объемов субсидиарной ответственности и пр.

Дело «Сибантрацит» достойно включения в учебную литературу — оно, как по нотам, разыгрывает все стресс-сценарии, которые обычно по частям реализовывались в других наследственных процессах.

В России наблюдается полярная тенденция по завещаниям: либо их нет вовсе, либо, если бизнесмены берутся за дело, то нацеливаются на получение крайне сложно структурируемого продукта с постоянно обновляемым перечнем объектов для каждого наследника. Некоторые из них путем инструментов возложения и отказов в завещании вменили обязанность содержать детей жене или иным родственникам, чтобы контроль за активом передавался в одни руки. При этом они как минимум до момента принятия наследниками наследства выбрали доверительного управляющего, чтобы исключить вероятность заморозки бизнеса и снижения стоимости активов. Это все равно что оставить дом без присмотра на годы, только применительно к реальному бизнесу подобная остановка даже на пару дней может сулить громадные убытки.

Более популярными вариантами реализации наследственной концепции среди владельцев капиталов являются трасты и фонды, которые позволяют установить свои правила наследования; разделить процессы управления активами на периоды до и после события; определить, кто из наследников и в какой роли будет участвовать в управлении бизнесом или конкретным активом; заблокировать возможность продажи бизнеса; предусмотреть основания для получения наследниками выплат из структуры; установить критерии и обязательства для наследников, при условии соблюдения которых они смогут претендовать на такие выплаты; определить критерии передачи некоторых активов управляющим компаниям и КРІ последних.

Такой вариант структурирования обеспечивает капиталу определенную защиту, позволяет реализовать наследственную концепцию в соответствии с пожеланиями патриарха, исключить возможность наследственных конфликтов, снизить риск корпоративных захватов, исключить ограничение на замораживание актива в течение шести месяцев после

наследственного события и возможность использования такового в качестве основания для реализации опциона по примеру дела «Востокуголь».

Есть и другие сценарии: например, можно оставаться фаталистом и надеяться, что судьба сама всем распорядится. Но что, если в русской рулетке семье наследодателя достанется не пустой камор?

**Наталья
Бутрина**

руководитель правового направления UFG Wealth Management

СТАТЬИ

НАСЛЕДСТВО